

2. ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПЛАТЕЛЬЩИКОВ. 1931 – 1938 гг.

Базовым крестьянским налогом в период 1931 – 1938 гг. оставался **сельскохозяйственный налог**, который в 1931 г. все еще именовался **единым**, но в 1932 г. в связи с абсолютной очевидностью его неединственности лишился данного определения¹. Практически каждая семья в сельской местности продолжала вносить в местные бюджеты средства в порядке **самообложения**². В 1931 г. был проведен **единовременный сбор на нужды хозяйственного и культурного строительства в деревне**, который с 1932 г. превратился в ежегодный **культсбор**³. Налоговый характер взимания имело **обязательное окладное страхование** принадлежавших единоличникам и колхозникам строевых лошадей, крупного рогатого скота и посевов⁴.

До принятия Конституции СССР 1936 г., уравнивавшей всех граждан страны в избирательных правах, жителей деревни, до этого времени не имеющих таковых, привлекали к уплате **сбора с лиц, лишенных права быть сельскими исполнителями**, а также **военного налога с граждан, зачисленных в тыловое ополчение**⁵. **Единовременный налог на единоличные крестьянские хозяйства** взимался сначала в 1932 г.⁶, а затем в 1934 г.⁷ С 1938 г. началась уплата **государственного налога на лошадей единоличных хозяйств**⁸. Право на ловлю рыбы давали **единый рыболовный**⁹ и **билетный сборы**.

С 1931 г. кампания по сбору крестьянских налогов перестала по времени совпадать с окладным годом, который официально стал начинаться 1 января и заканчиваться 31 декабря текущего календарного года¹⁰. Налоговая же кампания фактически стартовала после утверждения ЦИК и СНК СССР весной – в начале лета Положения о сельскохозяйственном налоге на очередной год. Летом проводился учет объектов обложения сельхозналогом, а затем – осенью и в начале зимы – осуществлялась его уплата. Тогда же крестьяне платили суммы, причитающиеся с них по самообложению, обязательному окладному страхованию, единовременным налогам на единоличные хозяйства 1932 и 1934 гг., госналогу на лошадей. Культсбор взимался в начале следующего окладного года. Однако поскольку сумма последнего привязывалась к размерам сельхозналога за предыдущий год и соответственно определялась по доходам, полученным в этом году, то по существу он не начинал новую налоговую кампанию, а завершал старую.

Помимо вышеуказанных налогов и сборов сталинский режим в качестве инструментов прямого изъятия денежных средств села продол-

жал использовать **государственные займы**, паевые взносы в кооперацию и другие внебюджетные платежи, формально имеющие добровольный характер.

Основным денежным налогом, взимаемым с коллективных хозяйств в 1931 – 1935 гг. оставался **сельскохозяйственный налог**. В 1936 г. он был заменен на **подходный налог с колхозов**¹¹. Хозяйства, занимающиеся рыболовством в промышленных размерах, платили **единый рыболовный сбор**¹². Колхозное имущество (производственные и служебные строения, сельхозинвентарь, рабочий и продуктивный скот, включая мелкий, посеvy) также подлежало **обязательному окладному страхованию**.

В 1937 г. ЦИК и СНК СССР передали ранее выполняемые сельсоветами функции исчисления и взимания налоговых платежей с жителей деревни финансовым органам. В этом же году отменили административный порядок наложения штрафов на колхозы, колхозников и единоличников в связи с укрытием объектов обложения и неуплатой налогов в срок и конфискации имущества в погашение недоимок. Впредь штрафовать хозяйства и изымать у них имущество можно было только по решению суда¹³.

Изменения в налогообложение единоличных хозяйств, отнесенных к категории трудовых.

С начала 1931 г. большевистский режим вновь раскрутил маховик массовой коллективизации. По официальным данным, ее процент в Западной Сибири увеличился с 22,5% на 1 января 1931 г. до 46,4% на 1 июня и 60,1% на 1 декабря¹⁴. Одним из наиболее действенных инструментов стимулирования крестьян-единоличников к вступлению в колхозы стал все возрастающий налоговый нажим.

От обложения не спасало даже то, что абсолютное большинство из них разорилось и превратилось в бедняков. Власти по-прежнему часть единоличников по-прежнему относили в разряд кулаков, несмотря на их очевидную бедность (см. ниже), полагая, что «сознательные» бедняки должны войти в колхозы, и поэтому постоянно снижали долю дворов, налогов не уплачивающих. В связи с этим Положением о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. не предусматривался объективный критерий освобождения от обложения – необлагаемый минимум годового дохода. В этом году налог не взимался с хозяйств, сумма обложения которых не превышала 1 руб. А с 1932 г. перестал действовать и данный критерий. Право полного или частичного освобождения от уплаты налогов *«отдельных малоимущих хозяйств»* от-

давалось на субъективное усмотрение сельских налоговых комиссий. При этом вопрос о наличии оснований для этого должен был обсуждаться и проверяться на собраниях *«бедноты, колхозников и актива середняков»*¹⁵. В 1929/30 г. сельхозналог по причине «маломощности» не платили 36,0% единоличных хозяйств Западно-Сибирского края, в 1930/31 г. – 33,6, в 1931 г. – 23,0, в 1932 г. – 11,5, в 1933 г. – 7,9%¹⁶.

Освобождение двора от уплаты сельхозналога не являлось основанием для того, чтобы с него не взимались другие налоги и сборы. Размер культсбора с подобных хозяйств в 1931 г. составлял 5 руб., самообложения – от 6 до 10 руб., в 1932 г. – соответственно от 8 до 16 руб. и от 8 до 12 руб.

В 1932 г. для наиболее неимущей части крестьян, привлекаемых к уплате сельхозналога, отменялось действие прогрессивно-подоходной шкалы его исчисления. Если в предыдущий период с каждых первых 25 руб. учтенного годового дохода бралось по 4 коп. налога, а с каждого последующего рубля от 25 до 100 руб. – по 7 коп. и т.д.¹⁷, то теперь все хозяйства с годовым доходом менее 100 руб., но тем не менее от налога не освобожденные, должны были заплатить государству т.н. твердую ставку в 7 руб. вне зависимости от того, сколько они за год заработали, 10 или 99 руб. Новая шкала ставок предусматривала увеличение прогрессии и для более доходных хозяйств¹⁸. При этом предвзятый вычет 20 руб. дохода на каждого едока отменялся, а скидки с исчисленной суммы налога предоставлялись не в связи с многочленностью хозяйства, а при условии наличия в нем более двух нетрудоспособных членов¹⁹.

В 1931 – 1932 гг. изменились и ряд других условий обложения сельхозналогом единоличных дворов. Еще более уплотнился график его сдачи. Крестьянам Сибири 40% суммы, предъявленной к уплате, надлежало внести до 1 октября и еще 60% – до 15 ноября. Повысились нормы вмененной доходности ряда объектов обложения (огородов – в 1,5 раза)²⁰. С 1931 г. при исчислении сельхозналога стали учитываться доходы от продажи произведенных крестьянами сельхозпродуктов на рынке по ценам, превышающим государственные и кооперативные заготовительные цены (т.н. конъюнктурные доходы). При этом первоначально вводилось ограничение, согласно которому сумма подобного рода заработков, включаемая в годовую облагаемую базу, не должна была превышать облагаемые доходы от остальных видов деятельности более чем на 75%. В Положении о сельхозналоге на 1932 г. данный лимит повысился до 100%. Кроме того, в 1931 г. отменили процентные надбавки для трудовых единоличных хозяйств с общим облагаемым

доходом от сельхозпроизводства свыше 500 руб. в силу практически полного отсутствия таковых.

Изменения порядка исчисления сельхозналога привели к тому, что несмотря на прогрессирующий процесс обнищания единоличников, его сумма не только не снизилась, но даже несколько повысилась. В 1931 г. в Западно-Сибирском крае в расчете на одно трудовое хозяйство она составляла 12 руб. 80 коп., а в 1932 г. – 13 руб. 42 коп. Это было значительно больше уровня обложения более нищих колхозных дворов, имеющих т.н. необобщественные источники дохода (в 1930/31 г. один такой двор в среднем платил 94 коп., в 1931 г. – 1 руб. 8 коп., в 1932 г. – 3 руб. 65 коп.), но тем не менее на порядок меньше налоговых сумм, причитающихся с хозяйств, квалифицируемых как кулацкие²¹.

Для большинства единоличников, уплачивающих сельхозналог, его сумма определяла размеры других крестьянских налогов. Культсбор 1931 г. в Сибири составлял 55%, самообложение 1931 г. – от 50 до 100%, культсбор 1932 г. – 100% оклада сельхозналога. С хозяйств, которые облагались по прогрессивным ставкам по единовременному налогу на единоличные крестьянские хозяйства 1932 г. взималось от 100 до 175% оклада сельхозналога, по самообложению 1932 г. – от 100 до 150% его оклада, по культсбору 1933 г. – от 75 до 200% (облагаемые по семирублевой твердой ставке платили соответственно от 12 до 18 и от 15 до 60 руб.).

В 1933 твердая ставка сельхозналога повысилась до 15 руб., а уровень годового дохода, после которого начинала действовать подоходно-прогрессивная шкала определения ставок налога, увеличилась до 200 руб. Таким образом, давление налогового пресса на беднейшую часть единоличников еще более усилилось. Увеличилась прогрессия обложения и для остальных плательщиков²². Кроме того, выросли предельные размеры самообложения 1933 г. и культсбора 1934 г. для крестьян, облагаемых по твердой ставке (соответственно с 18 до 20 руб. и с 60 до 80 руб.).

В то же время в Положении о сельхозналоге на 1933 г. предусматривалось некоторое облегчение условий обложения крестьян, имеющих неземледельческие заработки (включая и конъюнктурные) – существенно уменьшалась доля включения этих заработков в облагаемую базу²³. Тем не менее, подобная мера к снижению податного бремени не привела. Напротив, более полный, чем в предыдущий период, учет неземледельческих доходов в сочетании с повышением ставок вызвали значительный рост уровня налогообложения. В 1933 г. в Западно-

Сибирском крае на одно облагаемое единоличное хозяйство в среднем приходилось 24 руб. 92 коп. сельхозналога, или почти в два раза больше, чем в 1932 г.²⁴ Соответственно увеличились и взаимосвязанные с окладом сельскохозяйственного налога самообложение и культсбор. Ситуацию не изменило и некоторое снижение их верхних пределов для крестьян, облагаемых налогом по прогрессивным ставкам (по самообложению 1933 г. – до 100%, по культсбору 1934 г. – до 175% оклада).

Рост налоговых сумм, взимаемых с единоличных дворов, отражал не только увеличение уровня обложения, но и некоторое улучшение их положения. Пережив кошмар первых лет коллективизации, крестьяне, оставшиеся единоличниками, приспособились к создавшимся условиям, а многие из них стали постепенно наращивать свою состоятельность²⁵. Подобная ситуация была связана с ослаблением как экономического, так и политического давления на единоличное крестьянство. Основные усилия режима переключились на т.н. организационно-хозяйственное укрепление колхозов, их чистку от *«классово чуждых и разложившихся элементов»* и *«социалистическое воспитание»* колхозников.

Относительное улучшение положения единоличного крестьянства по сравнению с колхозным вкуче с массовыми чистками колхозов привело к замедлению и даже приостановке темпов коллективизации. На 1 апреля 1933 г. в Западно-Сибирском крае ее уровень составлял 66,9%, на 1 июля 1934 г. – 68,2%²⁶. Сложившаяся в 1933 – 1934 гг. в деревне ситуация вскоре вызвала негативную реакцию центральных органов партийного и государственного управления. Для ее исправления было решено увеличить уровень налогообложения единоличников.

Поставленная задача начала реализоваться в рамках сельскохозяйственного налога 1934 г. Положение о нем предусматривало более существенное, чем ранее, повышение норм вмененной доходности растениеводства²⁷. Несколько модифицировались и параметры учета доходов от неземледельческих заработков. От кустарных промыслов в облагаемую базу включалось 30% годового дохода за вычетом основных производственных расходов (в 1933 г. – от 20 до 30%). Что же касается доходов, полученных единоличниками от продажи сельхозпродуктов по рыночным ценам, то по-прежнему лимит их включения в налогооблагаемую базу составлял 30% годового облагаемого дохода данного хозяйства от сельхозпроизводства и кустарных промыслов. Однако с 1934 г. краевые и областные исполкомы получали право *«для отдельных пригородных районов с значительным развитием доходов единоличных хозяйств от продажи сельскохозяйственных продуктов по це-*

нам, складывающимся на рынке, повысить указанный процент до 75% остального облагаемого дохода хозяйства».

Кроме того, в новом окладном году с 15 до 25 руб. увеличивалась твердая ставка налога для единоличников с облагаемым доходом менее 200 руб., а также в сторону повышения прогрессии изменилась и подоходная шкала его исчисления для хозяйств с большим доходом²⁸. Нововведения вносились и в порядок самообложения единоличников. Крестьяне, освобожденные от сельхозналога и облагаемые им по твердой ставке, объединялись в одну группу, размер данного сбора для которой устанавливался в пределах от 12 до 50 руб. Лимит сбора с единоличников, облагаемых по прогрессивным ставкам, составил 100% оклада сельхозналога.

Изменения, внесенные в налоговое законодательство, в сочетании с тщательным, неоднократно перепроверяемым и жестко контролируемым сверху учетом сельскохозяйственных и неземледельческих объектов обложения²⁹, дали в Западно-Сибирском крае двукратный рост размеров сельскохозяйственного налога (до 51 руб. 39 коп. в расчете на одно хозяйство). Почти в 2 раза увеличилось самообложение единоличников³⁰. Выросли в 1934 г. и тарифы обязательного окладного страхования единоличных хозяйств³¹.

Однако на этом наступление на единоличную деревню не закончилось. В конце сентября 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли решение о введении дополнительного («единовременного») денежного налога на единоличные крестьянские хозяйства. Размеры налога для единоличных дворов, относимых к категории трудовых, дифференцировались следующим образом:

1. Для хозяйств, уплачивающих сельхозналог по твердой ставке: а) не имеющих рабочего скота и рыночных доходов – от 15 до 25 руб.; б) без рабочего скота, но имеющих рыночные доходы – от 30 до 50 руб.; в) имеющих рабочий скот – от 50 до 125 руб.

2. Для хозяйств, уплачивающих сельхозналог по прогрессивным ставкам: а) не имеющих рабочего скота и рыночных доходов – 75–100% оклада сельхозналога 1934 г.; б) имеющих рабочий скот или рыночные доходы – от 100 до 175% оклада 1934 г.

Таким образом, принципиально новым в системе взимания данного налога стало особое обложение дворов, имеющих рыночные доходы или рабочий скот. Причем платить они должны были гораздо больше тех, кто таковых не имел. Самые высокие ставки предназначались для единоличников, владеющих рабочим скотом. В Сибири это в абсолютном большинстве случаев была лошадь, которая позволяла своему хо-

зьяину найти заработок на стороне (перевозка пассажиров, грузов, работа на строительстве, лесоразработках) и тем самым обеспечить своей семье более высокий уровень материального благосостояния, чем у колхозников.

Хозяйства, «злостно» не выполняющие посевные планы и обязательства по госпоставкам сельхозпродукции, облагались единовременным налогом «на общих основаниях» (т.е. в соответствии с вышеназванными категориями), но его сумма удваивалась. Единоличникам «с особо большими денежными доходами» местные органы в районах могли в полтора раза увеличивать ставки налога. В целом же сумма единовременного налога в Западно-Сибирском крае почти на 60% превысила сумму сельскохозяйственного (86 руб. 57 коп. на одно хозяйство). Причем уплачиваться он должен был в предельно сжатые сроки (в Западной Сибири 50% суммы – к 1 ноября и еще 50% – к 20 ноября³²).

Чтобы заставить крестьян вовремя и в полном объеме платить старые и новые налоги и подати, еще накануне введения единовременного налога был кардинально пересмотрен перечень имущества трудовых единоличных хозяйств, которое не подлежало конфискации в погашение недоимок. Теперь за неуплату налогов у них можно было экспроприировать все имущество, за исключением дома, топлива для его отопления и предметов домашнего обихода³³.

Следующим актом наступления на единоличников стал культсбор 1935 г. Он взимался практически по той же схеме, что и единовременный налог, но при этом учитывалось наличие в хозяйстве не только рабочего скота и рыночных доходов, но и неземледельческих занятий. Дворы, облагаемые сельхозналогом по твердой ставке, но не имеющие рабочего скота и неземледельческих заработков, платили от 15 до 50 руб.; без рабочего скота, но имеющие рыночные или неземледельческие доходы – от 30 до 60 руб.; имеющие рабочий скот – от 75 до 125 руб. С хозяйств, уплачивающих сельхозналог по прогрессивным ставкам, но не имеющих рабочего скота, рыночных и неземледельческих доходов, взималось от 75 до 100% оклада сельхозналога; имеющих рабочий скот или рыночные и неземледельческие доходы – от 100 до 175%. Культсбор 1935 г. был в 2,6 раза больше прошлогоднего. Общие же размеры обложения единоличных крестьянских хозяйств основными видами денежных налогов в кампанию 1934/35 г. в Западно-Сибирском крае в 3 раза превышали уровень предыдущей³⁴.

Наступление продолжилось и в следующем году. Единовременный налог в 1935 г. взиматься не стал, но он был с лихвой перекрыт карди-

нально реформированным применительно к единоличникам сельскохозяйственным налогом. Прежде всего, увеличились нормы вмененной доходности. При этом наиболее существенно они выросли по лошадям и коровам (в Омской области – соответственно в 8,1 и 7,5 раза, в остальных регионах Сибири – в 5,6 и 5,0 раза)³⁵. С 4 до 3 лет снижался возраст лошадей, подлежащих обложению. Доходы от кустарных промыслов включались в облагаемую базу в размере от 50 до 100% полученных заработков за вычетом основных производственных расходов. Что же касается доходов от продажи сельхозпродуктов по рыночным ценам, то они перестали соотноситься с доходами от остальных видов деятельности и включались в облагаемую базу в размере с 50 до 75% учетных показателей.

Налог 1935 г. с единоличников исчислялся по новой таблице ставок. Годовой облагаемый доход до 800 руб. делился на 28 разрядов, каждому последующему из которых соответствовала новая твердая ставка обложения. С дохода в 801 рубль начинала действовать прогрессивно-подходящая шкала обложения³⁶.

Ряд изменений вносился в порядок предоставления льгот и скидок единоличникам. Хозяйству, которое имело не более двух трудоспособных, налог снижался на 10%, в том случае, если оно имело еще 3-х нетрудоспособных членов, и на 20%, если нетрудоспособных насчитывалось 4 и более человека (в 1934 г. эти скидки составляли соответственно 20 и 30%). Появились в Положении о сельхозналоге и критерии, в соответствии с которыми единоличный двор относился к маломощным и в связи с этим полностью или частично освобождался от его уплаты. Подобная льгота применялась только к семьям, не имеющим в своем составе ни одного трудоспособного члена и к тому же не содержащим крупного рогатого скота.

Новации касались также самообложения и культсбора, твердые ставки обложения которыми были отменены. Размер самообложения 1935 г. для всех единоличных хозяйств, уплачивающих сельхозналог, устанавливался в пределах от 40 до 60% его оклада. По культсбору 1936 г. с единоличников без рабочего скота, рыночных и неземледельческих доходов взималось от 75 до 100% суммы сельхозналога за предыдущий год, с единоличников, имеющих таковые – от 100 до 175%.

В 1935 г. на одно облагаемое в обычном порядке хозяйство западносибирских единоличников в среднем было начислено 166 руб. 40 коп. сельхозналога. Сумма трех основных денежных налогов и сборов

в расчете на один двор в кампанию 1935/36 г. в 1,5 раза превышала прошлогоднюю.

Усиление налогового пресса вызвало нарастающее сокращение числа единоличных крестьянских дворов. С 1 октября 1934 г. по 1 января 1936 г. количество единоличных дворов в Западно-Сибирском крае уменьшилось с 305,7 тыс. до 58,6 тыс. (в 5,2 раза). Уровень коллективизации вырос с 67,6 до 92,2%³⁷. Крестьяне, продолжающие вести индивидуальное хозяйство, стали еще беднее. Показателем снижения состоятельности единоличников явилось и уменьшение суммы начисляемого на хозяйство сельхозналога (со 166 руб. 40 коп. в 1935 г. до 130 руб. 52 коп. в 1936 г.)³⁸. Но и этот налог, а также другие подати и повинности большинство крестьян выполнить не могло, что вызывало рост безнадежной недоимочности. Вследствие этого местные власти несколько снизили экономическое давление на единоличников.

Неизменным был оставлен порядок обложения единоличных дворов сельхозналогом, культсбором, самообложением и окладным страхованием. Более того, в 1937 г. произошло некоторая либерализация налогового законодательства. Как указывалось выше, отменялся административный порядок наложения штрафов на единоличников и других налогоплательщиков и конфискации у них имущества. Вновь был расширен перечень имущества, которое не подлежало конфискации в погашение недоимок по денежным и натуральным налогам и податям³⁹. Более растянутыми по времени стали обязательные сроки уплаты сельхозналога (20% оклада – до 1 сентября, 20% – до 1 октября, 35% – до 15 ноября, 25% – до 15 декабря). Размер пени, начисляемой на хозяйства единоличников и колхозников, снизился до 0,1% за день просрочки платежа⁴⁰. Самообложение единоличников стало производиться по твердым ставкам. Предельные размеры взносов для хозяйств без полевых посевов и рабочего скота составляли 40 руб., для хозяйств с такими – 75 руб. От уплаты денежных налогов и сборов освобождались единоличники и колхозники, нетрудоспособные ввиду преклонного возраста (60 лет и более) и не имеющие в своих семьях других трудоспособных членов⁴¹.

Воспользовавшись передышкой, крестьяне-единоличники в очередной раз смогли адаптироваться к сложившейся ситуации. Показатели коллективизации вновь стали топтаться на месте. В Новосибирской области на 1 января 1937 г. они составляли 91,5%, на 1 июля 1938 г. – 90,9%. Более того, количество единоличных дворов в это время за счет исключенных из колхозов начало расти. В целом по Западной Сибири

их число с 1 июля 1937 г. по 1 января 1938 г. увеличилось с 59,4 тыс. до 69,7 тыс.⁴²

Но относительная передышка была недолгой. Лидеры большевистского режима расценили замедление темпов коллективизации как совершенно недопустимое и потребовали перейти к окончательному штурму единоличного сектора экономики советской деревни. В апреле 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают постановление, в котором местные власти обязывались покончить с *«противогосударственной и противоколхозной практикой попустительства в отношении единоличника и строго следить за точным выполнением единоличными хозяйствами всех государственных обязательств по налогам, зерноотставкам, мясоставкам и т.д.»*⁴³. В июле того же года СНК СССР в 1,7 раза поднимает сумму обязательных страховых взносов на рабочих лошадей в единоличных хозяйствах⁴⁴.

В августе 1938 г. Верховный Совет СССР *«ввиду того, что, по свидетельству колхозников, лошади в единоличных крестьянских хозяйствах обычно используются не для сельхозработ в своем хозяйстве, а в целях спекулятивной наживы»*, ввел «особый» государственный налог на лошадей, принадлежавших единоличникам. Налог имел две ставки обложения: первая - 400 руб. за одну лошадь старше 3-х лет и 700 руб. - за каждую последующую, вторая - 500 и 800 руб. соответственно. Более высокая ставка вводилась в пригородных районах и районах с большим количеством лошадей в единоличных хозяйствах. Причитающуюся налоговую сумму следовало внести до 1 октября. Продажа лошади после опубликования Закона о госналоге не являлась основанием для освобождения от его уплаты. В то же время налог не платили единоличники, до 1 октября вступившие в колхоз и сдавшие туда свою лошадь. Помимо уплаты специального налога, вмененный доход от лошади продолжал включаться в облагаемую базу сельскохозяйственного налога.

Других новаций в налоговое законодательство в 1938 г. внесено не было. Однако и принятые акты дали ожидаемый эффект. Количество единоличных дворов в Западной Сибири за период с 1 января 1938 г. по 1 июля 1939 г. уменьшилось с 69,7 тыс. до 27,8 тыс. Таким образом, налоговая политика большевистского режима к началу 1940-х гг. привела к фактической ликвидации индивидуального крестьянского хозяйства.

Выявление и обложение хозяйств, причисленных в разряд кулацких.

Несмотря на то, что кулачество было фактически ликвидировано уже к началу 1930-х гг., особый порядок обложения хозяйств, отнесенных к данной категории, сельхозналогом (включение в облагаемую базу всего дохода, а не ее исчисление по нормам вмененной доходности, лишение всех льгот, более ранние сроки уплаты), а вслед за ним и другими налогами и сборами сохранялся до конца 1930-х гг. В законодательство вносились лишь некоторые изменения.

В 1932 г., пользуясь предоставленным ему правом устанавливать сроки уплаты сельхозналога кулацкими хозяйствами, Президиум Запсибкрайисполкома отвел им на это всего три дня с момента вручения платежного извещения⁴⁵. В этом же году центральными органами государственного управления было принято решение значительно увеличить денежные платежи с хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке. Теперь ставки самообложения и культсбора с кулаков составляли не 100% оклада сельхозналога, как в 1931 г., а 200%. Еще один удвоенный оклад сельхозналога им надлежало выплатить в рамках единовременного налога на единоличные крестьянские хозяйства. Кроме того, для них в три раза против размеров, принятых для трудовых единоличных хозяйств, повышались ставки обязательных страховых платежей (в 1931 г. – в два раза)⁴⁶. В два раза больше, чем для остальных единоличников, кулакам стоил билетный сбор на право рыбной ловли⁴⁷. По нашим подсчетам, сумма денежных обязательств, начисленная на облагаемые индивидуально двory, как минимум в три раза превышала их совокупный годовой доход, зафиксированный налоговыми органами. Естественно, что таких денег они заплатить не могли. В ответ на это следовали опись и почти полная распродажа имущества. Если на 1 апреля 1932 г. в кулацких списках в Западно-Сибирском крае находилось 9 543 хозяйства, то к зиме их там осталось всего лишь 1 152 двора. Они засевали пашни и имели скота меньше, чем хозяйства, облагаемые сельхозналогом в обычном порядке, т.е. официально относимые к середнякам (беднота от налога освобождалась), и по-прежнему превосходили их лишь размерами неземледельческих заработков⁴⁸.

В 1933 г. были повышены ставки индивидуального обложения сельхозналогом⁴⁹, а также пересмотрена схема взимания военного налога. Последний должен был уплачиваться в течение года за каждые полгода, неотработанные в частях тылового ополчения. Кроме того, в начале года наркомат финансов СССР отменил годичный срок давности по привлечению к обложению в индивидуальном порядке⁵⁰. Теперь облагать индивидуально можно было любое хозяйство, которое когда-

либо имело хоть один кулацкий признак, но к индивидуальному обложению за это по какой-то причине не привлекалось. Вскоре возможности отнесения единоличных дворов в разряд кулацких еще более расширились. Утвержденное в конце мая Положение о сельхозналоге предусматривало индивидуальное обложение хозяйств: а) *«занимающихся систематической спекуляцией (скупка-продажа) и наживающихся на этом за счет рабочих и крестьян»* и б) *«злостно не выполняющих заданных им планов посева и других установленных законом государственных обязательств, если они не относятся к определенно бедняцким хозяйствам»*. Количество дворов, отнесенных к кулацким, стало расти, составив по итогам учетной кампании более 8 тыс.⁵¹

Хозяйства, не способные исполнить натуральные подати и повинности, не могли выполнить и денежных. Наложённые на них налоговые суммы переходили в безнадежную недоимку. Чтобы подобные хозяйства не разорять, а стимулировать к исполнению обязанностей перед государством, в 1934 г. их обложение в индивидуальном порядке было прекращено. Сельхозналог у «злостников» теперь исчислялся так же, как и у остальных единоличников, но его сумма затем удваивалась. Индивидуальному обложению подлежали хозяйства, имеющие только чисто кулацкие признаки. Тем ни менее, помимо сельскохозяйственного налога, культсбора, самообложения и других сборов в этом году они должны были выплатить еще и сумму, равную двум окладам сельхозналога в рамках очередного единовременного налога на единоличные крестьянские хозяйства.

Несмотря на то, что Центр настойчиво требовал увеличения числа выявленных кулаков, в 1934 г. на территории Западно-Сибирского края удалось обложить в индивидуальном порядке только 458 хозяйств (в том числе в новых границах края – 366). Бесперспективность поиска кулаков стала очевидной для всех лишь в 1935 г. Кроме того, изменились и цели налоговой политики в деревне. Теперь следовало разорять не только т.н. кулаков, а вообще всех единоличников. В связи с этим задача выявления хозяйств для их индивидуального обложения с повестки дня была практически снята. В 1935 г. в крае нашли 179 кулацких дворов⁵².

С 1936 г. не все крестьяне, облагаемые в индивидуальном порядке, стали считаться кулаками, а ставки их обложения были снижены. Соответствующая статья Положения о сельхозналоге, заменившая собой ранее действующий раздел (раздел V «Обложение кулацких хозяйств», статьи 95-103), гласила: *«Установить, что единоличные крестьянские хозяйства, имеющие нетрудовые доходы (доходы от скупки-продажи,*

от найма рабочей силы), в том числе кулацкие хозяйства, облагаются сельскохозяйственным налогом по ставкам, установленным для трудовых единоличных хозяйств, но не по нормам доходности, а по действительным доходам». В 1936 г. в Западно-Сибирском крае в числе индивидуалов значился 81 двор⁵³. О том, сколько из них считалось кулацкими, документы не сообщают. В 1937 г. в Новосибирской области в индивидуальном порядке облагалось 26 единоличных хозяйств, в Алтайском крае – 17, в Омской области – 2, в Красноярском крае – 1, в Иркутской области – ни одного⁵⁴.

Осенью 1939 г. Верховный совет СССР принял новый закон о сельхозналоге, в котором отсутствовали и особый порядок обложения, и само понятие «кулак»⁵⁵. Тем самым на уровне налогового законодательства оформлялся сделанный большевистскими теоретиками вывод об окончательном уничтожении на территории СССР последнего эксплуататорского класса – кулачества⁵⁶. В действительности же подтверждался ставший важной вехой процесса раскрестьянивания факт ликвидации зажиточности как социального феномена, присущего крестьянству как классу.

Порядок налогообложения личных хозяйств колхозников.

В 1931 – 1932 гг. личные хозяйства членов колхозов продолжали облагаться сельскохозяйственным налогом по тем же нормам вмененной доходности, что и единоличные хозяйства, отнесенные к категории трудовых. Однако исчисляться налог стал по принятой лишь для них подоходной шкале ставок, которая отличалась значительно меньшей прогрессией, нежели принятая для единоличников. При этом в 1932 г. для колхозников, доходы которых в предыдущем году попадали под первую ступень шкалы ставок (50 руб.)⁵⁷, была установлена единая (твердая) ставка уплаты – 4 руб.⁵⁸

Колхозники платили сельхозналог в те же сроки и пользовались теми же льготами и скидками, что и единоличники (см. выше). К тому же в 1931 – 1932 гг. от обложения сельхозналогом освобождался весь принадлежащий им скот (кроме рабочего)⁵⁹, а в 1931 г. этот налог не платили те члены колхозов, которые, будучи в прошедшем году единоличниками, не облагались им «по маломощности».

В связи с тем, что доходы абсолютного большинства колхозников были настолько низки, что не попадали под действие прогрессивной шкалы ставок, в 1933 г. ее вообще упразднили. С этого года личные хозяйства членов колхозов стали облагаться сельхозналогом по твердым ставкам, которые не коррелировались уровнем годового дохода

того или иного двора и устанавливались для каждой союзной республики, а затем края (области), района, сельсовета, колхоза. Ставка обложения колхозных дворов Западно-Сибирского края была установлена на уровне 20 руб., Восточно-Сибирского края – 22 руб. Подобная новация привела к увеличению размеров обложения. В Западной Сибири средний оклад сельхозналога с личного хозяйства членов колхозов в 1932 г. составлял 3 руб. 65 коп., а в 1933 г. – 19 руб. 76 коп.⁶⁰

В 1934 г. твердая ставка сельхозналога для колхозников в Западно-Сибирском крае была увеличена до 22 руб., в 1935 г. в Западно-Сибирском крае – до 32 руб., в Омской области, Красноярском и Восточно-Сибирском краях – до 33 руб.; в 1936 г. в Западно-Сибирском крае – до 40 руб., в остальных регионах Сибири – до 41 руб. Кроме того, с 1935 г. для членов колхозов, имеющих постоянные доходы от кустарных промыслов, была установлена надбавка, составляющая от 40 до 80% твердой ставки сельхозналога.

Культсбор и самообложение колхозники платили по твердым ставкам, начиная с 1931 г. В 1931 г. культсбором (по ставке 4 руб.) облагались только те члены колхозов, которые имели необобщественные источники дохода. В 1932 г. 5 руб. платили колхозники без необобщественных доходов, от 8 до 16 руб. – освобожденные от сельхозналога, от 12 до 20 руб. – уплачивающие сельхозналог. В 1933 г. ставка для членов колхоза, не имеющих личного хозяйства осталась прежней, для освобожденных от сельхозналога она составила 10 руб., для облагаемых им по твердой ставке была установлена в пределах от 15 до 35 руб., для облагаемых по прогрессивным ставкам – от 15 до 60 руб. В 1934 г. культсбор в размере от 15 до 60 руб. платили только колхозники, привлеченные к уплате сельхозналога. С 1935 г. сумма сбора для членов колхозов без необобщественных источников дохода колебалась в пределах от 5 до 10 руб., а для имеющих личное хозяйство – от 20 до 40 руб.

Колхозники без необобщественных источников дохода в 1931 г. от самообложения освобождались, в 1932 – 1935 гг. платили 5 руб., в 1936 г. – 2 руб. В 1932 г. члены колхозов, освобожденные от сельхозналога и облагаемые им по твердой ставке, платили от 5 до 8 руб., облагаемые по прогрессивным ставкам – от 10 до 14 руб. В 1933 г. колхозники, уплачивающие сельхозналог, вносили в счет самообложения от 8 до 16 руб., в 1934 г. – от 5 до 20 руб., в 1935 – 1936 гг. – от 3 до 9 руб. В 1937 г. ЦИК и СНК СССР установили двадцатирублевый лимит самообложения всех категорий колхозников.

Принятые в 1931 г. тарифы обязательного окладного страхования имущества колхозников были теми же, что и для единоличников и превышали колхозные. В 1932 г. для личных хозяйств колхозников были установлены меньшие, чем у единоличников, ставки страхования строений, а в 1934 г. – всех видов имущества, страхуемого в обязательном порядке.

Порядок взимания денежных налогов с колхозов.

В 1931 – 1932 гг. колхозы стали облагаться сельскохозяйственным налогом не по нормам вмененной доходности, а по совокупному валовому доходу, определяемому по годовому отчету хозяйства. Ставка исчисления налога в 1931 г. составляла 3 коп. с рубля дохода для коммун и артелей и 4 коп. – для тозов⁶¹, а в 1932 г. увеличилась до 3,5 и 5 коп. соответственно.

Налог вносился в течение текущего окладного года в два срока (50% – к 1 ноября и 50% – к 15 декабря). Если по итогам года выяснялось, что колхоз должен был уплатить большую сумму, то его остаток следовало доплатить до 10 февраля следующего года. Обнаруженная переплата возвращалась. За неуплату в срок взималась пеня в размере 0,1% за каждый просроченный день. Сообщение недостоверных сведений наказывалось штрафом.

При исчислении размеров платежей из налогооблагаемой базы исключались отчисления в *«неделимые и производственные общественные фонды»*, а также скидки по льготам, которые имели члены колхоза (лица награжденные орденами, почетным революционным оружием, бывшие красные партизаны, военнослужащие, инвалиды войны и труда и др.). В 1931 г. от обложения освобождались весь «обобществленный» скот, прирост посевных площадей, птицеводство, пчеловодство, свекловодство, товарные животноводческие фермы и стоимость кормов, использованных на них. При исчислении налогооблагаемой базы доход, полученный с гектара льна, конопли, подсолнечника, табака, махорки, семенных участков бобовых культур, сеяных трав, кормовых корнеплодов, садов и ягодников, приравнивался к среднему доходу с одного гектара зерновых. Кроме того, хозяйствам предоставлялась скидка в 75% от доходов, полученных от земли, переданной им новыми членами, которые в 1930 г. были освобождены от уплаты ЕСХН «по маломощности». Не облагались колхозы с годовым валовым доходом, не превышающим 60 руб. на едока.

В 1932 г. от обложения стал освобождаться не весь увеличенный по сравнению с предыдущим годом посев, а лишь прирост посевных пло-

шадей льна, конопля, огородных культур, табака и махорки, а также посевы всех культур по целине. В налогооблагаемую базу не включался доход, полученный от производства сеяных трав и кормовых корнеплодов. Доходность гектара льна и конопля приравнялась к половинной доходности гектара зерновых. А к культурам, приравненным к ним по доходности, прибавились все масличные культуры, овощи, бахчевые, картофель.

Кроме того, в 1932 г. в порядок обложения колхозов были внесены следующие новации. Отменялись необлагаемый минимум и скидка на доходы вступивших в колхоз бедняков. Решение о полном или частичном освобождении от уплаты налога «маломощных» хозяйств принималось районной налоговой комиссией. Не облагался доход от продажи сельхозпродуктов в рамках т.н. колхозной торговли. Колхозам, полностью и своевременно выполнившим развернутые на них заготовительные задания, предоставлялась скидка в 25% от оклада сельхозналога.

В 1933 г. система обложения колхозов претерпела более радикальные изменения. В связи с ненадежностью в большинстве хозяйств «надлежащего» документального учета и затруднениями в определении валового дохода сумма сельхозналога стала определяться по фиксированным ставкам обложения посевов зерновых и силосных культур, кормовых корнеплодов, сеяных трав, картофеля, льна-кудряша, подсолнечника, табака, махорки, овощей, бахчевых, площади используемых сенокосов, а также садов и ягодников⁶². Ставки для тозов были в 1,4–1,5 раза больше колхозных. Доход от яровых культур исчислялся по плановому посеву, от озимых, сенокосов, садов и ягодников – по фактически занятой площади. В налогооблагаемую базу включались чистый доход от подсобных неземледельческих промыслов.

Двадцатипятипроцентная скидка с оклада налога предоставлялась «передовым» хозяйствам, выполняющим и перевыполняющим план по урожайности сельскохозяйственных культур, «образцово» ведущих учет. В качестве основания для полного или частичного освобождения колхоза от налога рассматривалась не «маломощность», а ущерб, понесенный хозяйством от стихийного бедствия. Обложению не подлежали животноводство, птицеводство, пчеловодство, свекловодство, семеноводство, кормопроизводство на товарных фермах, коноплеводство в районах, специализирующихся на выращивании данной культуры, посевы льна-долгунца по целине. Остальные посевы льна-долгунца и конопля облагались по нормам доходности зерновых культур. Из налогооблагаемой базы исключались доходы, приходящиеся на членов колхоза

зов, пользующихся льготами. Половина от суммы налога, начисленной по итогам учета посевных площадей, вносилась к 1 октября, половина – к 1 ноября текущего года. Расчет по несельскохозяйственным доходам осуществлялся до 15 марта следующего года.

В 1933 – 1935 гг. система взимания сельхозналога с колхозов, включая ставки обложения, оставалась практически неизменной. Однако в 1936 г. ее признали устаревшей. В качестве главного недостатка называлось «почти» полное освобождение от обложения животноводства и производства технических культур, доходы от которых существенно выросли. В связи с этим Верховная власть решила заменить сельхозналог *«более справедливой системой обложения – подоходным налогом»*, который уплачивался по совокупному валовому доходу хозяйства за предыдущий год, определяемому по годовому отчету хозяйства. В состав налогооблагаемой базы включались все денежные доходы колхоза, а также исчисленная по государственным заготовительным ценам стоимость сельхозпродуктов, использованных на внутрихозяйственные нужды (выдачу на трудодни, создание семенных, фуражных, продовольственных и иных натуральных фондов и т.п.). Ставка обложения составляла для коммун и сельхозартелей 3% годового дохода, для тозов – 4%. 20% от суммы налога следовало внести к 1 марта, 10 – к 1 июня, 30 – к 1 октября и оставшиеся 40% – к 1 декабря.

Помимо сельскохозяйственного, а затем подоходного налога, коллективные хозяйства, занимающиеся рыболовством в промышленных размерах, привлекались к уплате единого рыболовного сбора, ставка которого в 1930 – 1934 гг. составляла 3% от стоимости улова, а в 1935 г. была снижена до 1,5%. В районах «малого рыболовства» с колхозов взимался билетный сбор на право ловли либо арендная плата за угодья, а доходы от данного промысла включались в налогооблагаемую базу основного налога.

Для коллективных хозяйств предусматривались более низкие, чем для других плательщиков, ставки обязательного окладного страхования и более высокие суммы страхового возмещения.

Сложившаяся в середине 1930-х гг. система налогообложения коллективных и индивидуальных хозяйств к концу десятилетия перестала удовлетворять лидеров большевистского режима. Проводимая в рамках подготовки к будущей большой войне, милитаризация экономики требовала все больших средств. Однако денег в деревне собиралось не так уж и много. Единоличников, которые облагались по самым высоким нормам, почти не осталось. Для составляющих большинство сельского населения колхозников были установлены относительно низкие

налоговые ставки. Недостаточным, по мнению властей, являлся и уровень обложения колхозов. В связи с этим в 1939 г. началась реформа порядка взимания базовых денежных налогов.

---

¹ Порядок взимания сельхозналога определялся Положениями, утвержденными ЦИК и СНК СССР 29 марта 1931 г. (СЗ СССР. 1931. № 19. Ст. 171), 4 мая 1932 г. (Там же. 1932. № 30. Ст. 189б), 25 мая 1933 г. (1933. № 32. Ст. 188б), 31 мая 1934 г. (1934. № 30. Ст. 231б); постановлениями ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1935 г. (1935. № 30. Ст. 232), СНК СССР от 2 июля 1936 г. (1936. № 40. Ст. 340), ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г. (1937. № 51. Ст. 216); постановлениями СНК РСФСР от 5 апреля 1931 г. (СУ РСФСР. 1931. № 18. Ст. 188), от 7 мая 1932 г. (Там же. 1932. № 44. Ст. 192), от 27 мая 1933 г. (1933. № 33. Ст. 121), от 1 июня 1934 г. (1934. № 24. Ст. 136), от 1 июня 1935 г. (1935. № 15. Ст. 161), от 23 июля 1936 г. (1936. № 17. Ст. 114), от 11 августа 1937 г. — Там же. 1937. № 10. Ст. 92.

² Порядок самообложения сельского населения регулировался постановлениями ЦИК и СНК СССР от 3 августа 1931 г. (СЗ СССР. 1931. № 48. Ст. 320), от 27 августа 1932 г. (Там же. 1932. № 65. Ст. 376), от 25 мая 1933 г. (1933. № 32. Ст. 189), от 31 мая 1934 г. (1934. № 30. Ст. 232), от 31 мая 1935 г. (1935. № 30. Ст. 233), от 12 сентября 1937 г. — Там же. 1937. № 60. Ст. 258.

³ Порядок взимания культабсбора с сельского населения регулировался постановлениями ЦИК и СНК СССР от 9 января 1931 г. (СЗ СССР. 1931. № 3. Ст. 34); от 17 января 1932 г. (Там же. 1932. № 2. Ст. 10), от 29 января 1933 г. (1933. № 5. Ст. 31), от 23 января 1934 г. (1934. № 5. Ст. 38), от 14 января 1935 г. (1935. № 4. Ст. 31), от 5 января 1936 г. (1936. № 2. Ст. 18); постановлениями СНК РСФСР от 13 января 1931 г. (СУ РСФСР. 1931 № 5. Ст. 49), от 20 января 1932 г. (Там же. 1932. № 12. Ст. 278), от 26 января 1934 г. (1934. № 6. Ст. 37), от 17 января 1935 г. — Там же. 1935. № 3. Ст. 14.

⁴ Порядок обязательного окладного страхования регулировался постановлением СНК СССР от 31 мая 1930 г. (СЗ СССР. 1930. № 31. Ст. 343); постановлениями СТО от 22 июня 1931 г. (Там же. 1931. № 39 Ст. 276), от 10 июня 1932 г. (1932. № 46. Ст. 272); постановлениями СНК СССР от 17 июля 1933 г. (1933. № 46. Ст. 272), от 19 июля 1934 г. (1934. № 38. Ст. 308), от 4 августа 1937 г. (1937. № 50. Ст. 211); постановлением ЭКОСО РСФСР от 23 июня 1931 г. (СУ РСФСР № 32. Ст. 278), постановлениями СНК РСФСР от 15 июня 1932 г. (Там же. 1932. № 54. Ст. 239), от 21 июля 1933 г. (1933. № 41. Ст. 158), от 20 июля 1934 г. (1934. № 29. Ст. 172), от 4 августа 1937 г. — Там же. 1937. № 60. Ст. 259.

⁵ Порядок сбора налога регулировался постановлениями ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г. (СЗ СССР. 1930. № 7. Ст. 77) и от 27 сентября 1933 г. — Там же. 1933. № 61. Ст. 363).

⁶ Налог взимался в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 ноября 1932 г. — Там же. 1932. № 78. Ст. 476.

⁷ Налог взимался в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 26 сентября 1934 г. — Там же. 1934. № 49. Ст. 380.

⁸ Налог взимался в соответствии с Законом, принятым Верховным Советом СССР 21 августа 1938 г. — Известия. 1938. 24 авг.

⁹ Взимание единого рыболовного и билетного сборов с индивидуальных хозяйств регулировалось постановлениями ЦИК и СНК СССР от 23 апреля 1930 г. (СЗ СССР. 1930. № 24. Ст. 260) и от 25 февраля 1931 г. «О порядке обложения единоличных ловецких хозяйств» — Там же. 1931. № 13. Ст. 127.

¹⁰ До 1931 г. окладной год начинался 1 мая текущего календарного года и заканчивался 30 апреля следующего года.

¹¹ Налог взимался в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г. — СЗ СССР. 1936. № 40. Ст. 340.

¹² Уплата единого рыболовного сбора с колхозов регулировалась постановлениями ЦИК и СНК СССР от 23 апреля 1930 г. (СЗ СССР. 1930. № 24. Ст. 260), от 2 сентября 1930 г. (Там же. 1930. № 47. Ст. 484), от 5 марта 1935 г. (1935. № 13. Ст. 101), от 7 августа 1935 г. — Там же. № 44. Ст. 364.

¹³ Там же. 1937. № 30. Ст. 120.

¹⁴ Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926 – 1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 308.

¹⁵ Кроме того, право на полное или частичное освобождение от уплаты сельхозналога имели семьи, в состав которых входили лица, награжденные орденами и почетным оружием, герои труда, военнослужащие, бывшие красногвардейцы и красные партизаны инвалиды войны и труда, а также хозяйства, пострадавшие от стихийных бедствий (размер скидки определяла сельская налоговая комиссия в зависимости от размера ущерба и «мощности» хозяйства). От уплаты налога освобождались семьи (вдовы и несовершеннолетние дети) сельских активистов, убитых «кулаками», и работников леса, погибших при исполнении служебных обязанностей.

¹⁶ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930 – 1940 гг. Новосибирск, 2000. С. 67.

¹⁷ См. примеч. «27» к гл. 1.

¹⁸ В 1932 г. была принята следующая шкала ставок сельхозналога для единоличных хозяйств:

Годовой облагаемый доход	Ставка подоходного обложения
до 100 руб.	7 руб.
от 100 до 150 руб.	7 руб. + 5 коп. с каждого рубля сверх 100 руб.
от 150 до 200 руб.	9,5 руб. + 8 коп. – " – 150 руб.
от 200 до 300 руб.	13,5 руб. + 13 коп. – " – 200 руб.
от 300 до 400 руб.	26,5 руб. + 17 коп. – " – 300 руб.
от 400 до 500 руб.	43,5 руб. + 22 коп. – " – 400 руб.
От 500 до 700 руб.	65,5 руб. + ... коп. – " – 500 руб.
Свыше 700 руб.	125,5 руб. + 32 коп. – " – 700 руб.

¹⁹ После исчисления налога по вышеприведенной шкале ставок хозяйствам, в состав которых входило два нетрудоспособных члена, предоставлялась скидка в 5%, три нетрудоспособных члена – 10, четыре и более – 15% оклада.

²⁰ В 1931 г. в Западно-Сибирском крае повысились нормы вмененной доходности огородных и бахчевых культур (со 150 до 170 руб. с га), крупного рогатого скота и

лошадей (с 15 до 16 руб. с головы); в 1932 г. – зерновых культур (с 41 до 45 руб. с га), огородов и бахчей (со 170 до 250 руб.).

²¹ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 15, 67.

²² В 1933 г. была принята следующая шкала ставок сельхозналога для единоличных хозяйств:

Годовой облагаемый доход	Ставка подоходного обложения
до 200 руб.	15 руб.
от 200 до 300 руб.	15 руб. + 10 коп. с каждого рубля сверх 200 руб.
от 300 до 500 руб.	25 руб. + 20 коп. – " – 300 руб.
от 500 до 700 руб.	65 руб. + 30 коп. – " – 500 руб.
Свыше 700 руб.	125 руб. + 33 коп. – " – 700 руб.

²³ В 1933 г. в облагаемую базу включалось не менее 20 и не более 30% заработков от кустарно-ремесленных промыслов и не более 30% заработков от отхожих промыслов не по найму. Лимит включения конъюнктурных доходов составил 30% от общей суммы остальных учтенных доходов. В 1932 г. лимиты включения составляли – соответственно от 40 до 60%, 40% и 100%.

²⁴ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 15.

²⁵ См.: Там же. С. 68.

²⁶ Гушин Н.Я. Сибирская деревня... С. 346.

²⁷ В 1934 г. повысились нормы вмененной доходности гектара зерновых (в Западно-Сибирском крае – с 46 до 52 руб., в Восточно-Сибирском крае – с 50 до 52 руб.), сенокосов (соответственно с 11 до 20 руб. и с 12 до 21 руб.), огородов (с 280 до 450 руб. и с 280 до 430 руб.), картофеля (с 80 до 140 руб. в обоих регионах). Доходность гектара плодово-ягодных насаждений, которые облагались только в Западной Сибири, увеличилась с 300 до 400 руб. Нормы доходности сельскохозяйственных животных в 1934 г не изменились и составляли 16 руб. с одной головы КРС и лошади и 2 руб. с овцы и козы.

²⁸ В 1934 г. была принята следующая шкала ставок сельхозналога для единоличных хозяйств:

Годовой облагаемый доход	Ставка подоходного обложения
до 200 руб.	25 руб.
от 200 до 300 руб.	25 руб. + 5 коп. с каждого рубля сверх 200 руб.
от 300 до 400 руб.	30 руб. + 15 коп. – " – 300 руб.
от 400 до 500 руб.	45 руб. + 20 коп. – " – 400 руб.
от 500 до 700 руб.	65 руб. + 30 коп. – " – 500 руб.
Свыше 700 руб.	125 руб. + 35 коп. – " – 700 руб.

²⁹ По сравнению с 1933 г. учтенные доходы единоличных крестьянских хозяйств в Западно-Сибирском крае в 1934 г. увеличились по рыночным заработкам в 2,1 раза, по неземледельческим заработкам – в 1,7 раза, по заработкам от сельхозпроизводства – в 1,3 раза. — Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 74.

³⁰ Там же. С. 68, 70.

³¹ В Западно-Сибирском крае тарифы обязательного окладного страхования единоличных хозяйств на 1935 г., которые уплачивались в предыдущем году выросли по

строениям с 1 руб. 67 коп. до 2 руб., по рабочему скоту – с 7 руб. 20 коп. до 8 руб. 75 коп., по КРС – с 4 руб. 20 коп. до 5 руб. 10 коп., посевов от градобития, ливней и бури – с 1 руб. 90 коп. до 2 руб. 30 коп., от «вымочки», вымерзания и наводнения – с 4 руб. 10 коп. до 5 руб. на 100 руб. страхового возмещения. В предыдущий период в регионе увеличились тарифы страхования строений (с 1 руб. 5 коп. в 1932 г. до 1 руб. 57 коп. в 1933 г. и 1 руб. 67 коп. в 1934 г.) и посевов (в 1933 г. от градобития, ливней и бури – с 1 руб. 56 коп. до 1 руб. 90 коп. и от «вымочки», вымерзания и наводнения – с 3 руб. 80 коп. до 4 руб. 10 коп.).

³² Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С 70, 99.

³³ См.: постановление ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1934 г. «О взыскании невыполненных в срок единоличными хозяйствами государственных обязательных натуральных поставок и денежных платежей и о конфискации имущества по суду» (СЗ СССР. 1934. № 48. Ст. 370). Согласно существующим до принятия данного постановления нормам (Положение о взыскании налогов и неналоговых платежей, утвержденное ЦИК 17 сентября 1932 г. — Там же. 1932. № 69. Ст. 410б) у трудовых единоличных крестьянских хозяйств запрещалось конфисковывать также *«живой и мертвый инвентарь в количестве, необходимом для ведения»* сельскохозяйственного производства, хозяйственные постройки, *«составляющие неотъемлемую принадлежность»* этого производства, запасы продовольствия в размерах, необходимых до нового урожая, семена для посева текущего года, скот, который нужен *«для сохранения хозяйства»*, корма для него *«в количестве, необходимом до сбора новых кормов»*, не снятый урожай, паевые взносы в кооперативы, страховое возмещение по обязательному страхованию.

³⁴ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 70.

³⁵ В 1935 г. нормы вмененной доходности гектара зерновых составляли в Омской области – 70 руб., в Западно-Сибирском крае – 60 руб., в Красноярском и Восточно-Сибирском краях – 65 руб., картофеля во всех перечисленных регионах – 90 руб., огородов в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях – 600 руб., в Красноярском крае и Омской области – 650 руб., сенокосов в Омской области – 27 руб., в Восточно-Сибирском крае – 23 руб., в Западно-Сибирском и Красноярском краях – 22 руб., лошади и коровы в Омской области – 130 и 120 руб., в остальных регионах соответственно – 90 и 80 руб., овцы или козы во всех перечисленных регионах – 4 руб.

³⁶ Положением о сельхозналоге на 1935 г. была принята следующая шкала ставок обложения единоличных хозяйств:

а) твердые ставки: 1) с дохода до 100 руб. – 15 руб.; 2) с дохода от 101 до 125 руб. – 17 руб.; 3) от 126 до 150 руб. – 20 руб.; 4) от 151 до 175 руб. – 24 руб.; 5) от 176 до 200 – 28 руб.; 6) от 201 до 225 руб. – 32 руб.; 7) от 226 до 275 руб. – 36 руб.; 8) от 276 до 300 руб. – 40 руб.; 9) от 301 до 325 – 48 руб.; 10) от 326 до 350 руб. – 52 руб.; 11) от 351 до 375 руб. – 56 руб.; 12) от 376 до 400 руб. – 60 руб.; 13) от 401 до 425 руб. – 66 руб.; 14) от 426 до 450 руб. – 73 руб.; 15) от 451 до 475 руб. – 81 руб.; 16) от 476 до 500 руб. – 89 руб.; 17) от 501 до 525 руб. – 97 руб.; 18) от 526 до 550 руб. – 105 руб.; 19) от 551 до 575 руб. – 113 руб.; 20) от 576 до 600 руб. – 121 руб.; 21) от 601 до 625 руб. – 129 руб.; 22) от 626 до 650 руб. – 137 руб.; 23) от 651 до 675 руб. – 145 руб.; 24) от 676 до 700 руб. – 154 руб.; 25) от 701 до 725 руб. – 164

руб.; 26) от 726 до 750 руб. – 174 руб.; 27) от 751 до 775 руб. – 185 руб.; 28) от 776 до 800 руб. – 196 руб.;

б) прогрессивные ставки:

Годовой облагаемый доход до 800 руб.	Ставка подоходного обложения 28 разрядов твердых ставок (см. выше)
от 800 до 1000 руб.	200 руб. + 40 коп. с каждого рубля сверх 800 руб.
от 1000 до 2000 руб.	280 руб. + 44 коп. – " – 1000 руб.
от 2000 до 3000 руб.	720 руб. + 48 коп. – " – 2000 руб.
Свыше 3000 руб.	1200 руб. + 55 коп. – " – 3000 руб.

³⁷ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 14.

³⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 68.

³⁹ У единоличников запрещалось изымать в погашение недоимок жилой дом и хозяйственные постройки, одежду, обувь, домашнюю утварь и т.п. предметы, «служащие для личного пользования домохозяйки и его семьи», детские принадлежности, продукты питания в количестве, необходимом до нового урожая, средства, полученные семьей должника по линии социального обеспечения, единственную корову, а при ее отсутствии – телку. Данный перечень действовал и в отношении колхозных дворов, но у них не подлежали конфискации еще и домашняя птица, а также овцы, козы и свиньи в пределах половинной нормы их содержания, предусмотренной Уставом сельхозартели для данного района. — СЗ СССР. 1937. № 30. Ст. 120.

⁴⁰ Пенья, начисляемая на хозяйства, облагаемые в индивидуальном порядке, составляла 1%.

⁴¹ СЗ СССР. 1937. № 32. Ст. 135.

⁴² Очерки истории крестьянского двора и семьи... С. 15.

⁴³ СП СССР. 1938. № 18. Ст. 117.

⁴⁴ Там же. № 45. Ст. 269.

⁴⁵ Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома. 1932. № 1096. Ст. 2887.

⁴⁶ В соответствии с существующим законодательством сумма страхового возмещения хозяйствам, относимым к категории кулацких, должна была составлять 50% оценочной стоимости имущества, пострадавшего от стихийного бедствия или несчастного случая.

⁴⁷ Ставка билетного сбора на право рыбной ловли для единоличных хозяйств, отнесенных к категории трудовых, составляла 6% от расчетной стоимости улова, а для причисленных к кулацким – 12%.

⁴⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 15, 16.

⁴⁹ Все хозяйства, относимые к кулацким, с годовым доходом до 1 тыс. рублей обязывались выплатить по сельхозналогу 350 руб. (т.н. твердая ставка). Для хозяйств с доходом свыше 1 тыс. рублей предусматривалось прогрессивное обложение: от 1 до 3-х тыс. руб. – 350 руб. + 50 коп. с каждого рубля дохода сверх тысячи, от 3 до 6 тыс. – 1350 руб. + 60 коп. с каждого рубля сверх 6 тысяч, более 6 тыс. руб. – 3150 руб. + 70 коп. с каждого последующего рубля.

⁵⁰ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 16.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ РГАЭ, ф. 7733, оп. 15, д. 936, л. 1.

⁵⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. 23 сент.

⁵⁶ См.: ХУШ съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1939. С. 16, 26, 35, 104, 647.

⁵⁷ В 1931 г. сумма платежей ЕСХН личными хозяйствами колхозников исчислялась по следующей шкале ставок:

Годовой облагаемый доход	Ставка подоходного обложения
до 50 руб.	4 коп. с каждого рубля.
от 50 до 100 руб.	5 коп. с каждого рубля сверх 50 руб.
от 100 до 150 руб.	8 коп. – " – 100 руб.
от 150 до 200 руб.	10 коп. – " – 150 руб.
от 200 до 300 руб.	13 коп. – " – 200 руб.
от 300 до 400 руб.	17 коп. – " – 300 руб.
от 400 до 500 руб.	23 коп. – " – 400 руб.
от 500 до 700 руб.	27 коп. – " – 500 руб.
свыше 700 руб.	30 коп. – " – 700 руб.

⁵⁸ В 1932 г. сумма платежей сельхозналога личными хозяйствами колхозников исчислялась по следующей шкале ставок:

Годовой облагаемый доход	Ставка подоходного обложения
до 50 руб.	4 руб.
от 50 до 100 руб.	4 руб. + 2 коп. с каждого рубля сверх 50 руб.
от 100 до 150 руб.	5 руб. + 7 коп. – " – 100 руб.
от 150 до 200 руб.	8 руб. 50 коп. + 10 коп. – " – 150 руб.
от 200 до 300 руб.	13 руб. 50 коп. + 13 коп. – " – 200 руб.
от 300 до 400 руб.	26 руб. 50 коп. + 17 коп. – " – 300 руб.
от 400 до 500 руб.	43 руб. 50 коп. + 22 коп. – " – 400 руб.
от 500 до 700 руб.	65 руб. 50 коп. + 27 коп. – " – 500 руб.
свыше 700 руб.	119 руб. 50 коп. + 30 коп. – " – 700 руб.

⁵⁹ В личных хозяйствах членов тозов скот облагался по половинным нормам от принятых для единоличных хозяйств.

⁶⁰ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 148.

⁶¹ В соответствии с Положением о ЕСХН на 1930/31 г. с коммун, облагаемых по валовому доходу, брали 2 коп. с рубля, а доходы тозов облагались в хозяйствах их членов. — См.: гл. 1.

⁶² Для колхозов Восточно-Сибирского края в 1933 г. были установлены следующие ставки обложения: посевов зерновых, кормовых корнеплодов и сеяных трав – 1 руб. 80 коп. с га, картофеля – 3 руб., льна-кудряша – 1 руб. 30 коп., подсолнечника – 1 руб. 40 коп., махорки – 6 руб. 50 коп., овощей – 13 руб., бахчевых – 12 руб., силосных и сенокосов – 70 коп. Для колхозов Западно-Сибирского края – соответ-

---

ственно 1 руб. 90 коп., 3 руб. 70 коп., 1 руб. 50 коп., 1 руб. 65 коп., 7 руб., 15 руб. 50 коп., 12 руб. 50 коп., 80 коп. Один гектар плодоносящих садов и ягодников в Западной Сибири оценивался в 24 рубля.